

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Газета основана
5 мая 1912 года

В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 174 (25526)

Среда, 22 июня 1988 года

Цена 4 коп.

• Ничего плохого, пожалуй, нет, что в нашем обиходе сливаются воедино название научного учреждения и имя его руководителя. Клиника Федорова, институт Патона... Наоборот, это, как фирменный знак, гарантирующий высокое качество и оригинальность решений в той области науки, в которой лидирует глава «фирмы».

Но вот не приводят ли многолетняя привычка отожествлять себя со всеми достижениями «своего» учреждения к завихрению мини-культы, к некой «идолизации» лидера, о каменеющую спину которого все больше ударяются молодые его последователи, которым приспело время обгонять своего учителя!

ТАКИЕ МЫСЛИ возникли, когда узнал о неожиданном для меня решении об отставке академика Олега Георгиевича Газенко, директора Института медико-биологических проблем Минздрава ССР. Тогда института, о котором издавна привык слышать и говорить попросту — «у Газенка».

В чужой душе, да еще руководящей, психолог не очень-то научился разбираться. Но было ясно, что такие решения вдруг не приходят. Позывы к нему оседают сначала, должно быть, где-то в душе — или чем там еще человек отличается от братьев своих меньших? Набирают энергию и толкают к поступку. Только где он, тот компьютер, способный предыскать душевые импульсы? Но все же пощелкивали неведомые реле, накапливая тот банк данных, что формирует и самого человека, и его судьбу...

И я стал вспоминать, что знал об Олеге Георгиевиче.

Кто-то, а Газенко видел, как давалось становление института, тогда еще беспредентного в науке учреждения.

Королев. Конечно же, Королев, имя которого мы еще долго будем связывать с космическими начинаниями, рассказал идею и, главное, «пробил в инстанциях» этот институт. В те, еще дагаргинские времена, один из многих научных консультантов смотрел на Главного снизу вверх. И не всегда одобрительно — коробки яростные вспышки гнева Сергея Павловича.

— Я бы с ним работать не смог, — думалось иногда.

Впрочем, с консультантом из сопредельной «фирмы» Королев был неизменно корректен и любознательен. Догадаться о причине было нетрудно, хотя вслух о ней говорить и не было принято. В очередном спускаемом аппарате применяли кресла, явно рассчитанные на человека. Техника созрела, слово оставалось за мэдциной и биологией.

Газенко лучше понял Королева в ту ночь, когда они остались двоим на КП. Спускаемый аппарат с собаками приземлился не по расчетной траектории, и Олег Георгиевич должен был ждать возвращения поисковой группы, а Сергей Павлович не захотел муачтаться неведением в Москве, так и прошагал полноты на КП. А потом усталый отказался приступить в салоне своего самолета — отдал его лохматым космонавтам, и весь рейс наблюдал, как Олег Георгиевич делает околосземный путешественникам необходимый туалет. В Москве сказал коротко:

— Возьми мою машину, вези их сразу в институт.

Сам домой поехал на другой.

Чучело Жульки, честно послужившей науке и мирно кончившей свои дни на Земле, и сейчас под стеклянным колпаком стоит в кабинете Га-

зенко. Как воспоминание и как напоминание об уроках Королева. Они-то вдруг и высекли подспудную мысль: «А смог бы сейчас Сергей Павлович работать, как раньше, — замыкая все на себя, влезая в каждую подробность?»

Впрочем, до этих мыслей надо было дозвесть, чтобы начать их примерять на себя. Точнее, дозвесть должна была

право директора института хватить заведомо слабую работу? Ответ на это не так уж и очевиден, как довелось убедиться самому Газенко, когда неизлечимая болезнь одолела Парию.

И все-таки в первые годы, как ни странно, многое казалось проще, чем стало восприниматься потом, с приходом опыта и директорской зрелости. А начали ему все чаще вспоминаться такие голодные и холодные и такие счастливые ленинградские годы. Сразу же после фронта ему предложили пройти двухгодичные курсы в Ленинградской военно-медицинской академии, специализируясь на психофизиологии, а конкретнее говоря, авиационной медицине. За годы войны, на которую попал второй ее день, он было и подзабыл, что именно об этой специальности мечтал на военном факультете 2-го Московского медицинского института. Только иногда, совсем уже по студенческой привычке, скрыва-

гать? Можно ли поступиться малюсеньким ароматом фланки или она тоже неотделима от нас? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять, что такое человек.

В Институте медико-биологических проблем я видел футбольный мяч с автографами игроков киевского «Динамо». Нет, это не дань болельщикам увлечениям. Это — знак признательности за то, что может дать даже на Земле изучение человека при больших физических и психологических перегрузках. Так же здесь работали с бобслеистами, велосипедистами, водолазами. А значит, нужны были специалисты все новых научных профилей.

Олег Георгиевич помнил, во что обошлось ему приглашение в институт генетики Н. В. Тимофеева-Ресовского. Он взял его на своей машине из Обнинска, чтобы поставить на современный уровень генетические исследования. Его вызвали и сказали:

— Увольний.

стей. Начинание, что и говорить, благое. Но как бы при его прямолинейном и массовом осуществлении не растворять нам то интеллектуальное богатство, которое еще способно послужить науке и государству. В Тезисах ЦК КПСС прямо говорится: «Общество подошло к такому рубежу, когда требуется существенный прорыв на всех направлениях естественных, технических и общественных наук. Возрастающий вклад в это призвана внести Академия наук СССР».

Возрастающий! А недавно президентом АН ССР чоком перевел почти половину своих членов в советники президиума, изменился статус многих бывших директоров академических институтов. Известно, что сейчас двадцать директоров и три их заместителя в академических институтах, а также 160 заведующих различными научными подразделениями работают на пределе возрастного ценза. Но пока, кроме общих деклараций, не известно, как после отставки будут использоваться их опыт и знания. Да, закон есть закон. Да, многим из них трудно уже заниматься сложными организационными и административными заботами. Но разве нельзя их использовать при чтении лекций, проведении семинаров, обсуждении экспериментов? И что не менее важно — готова ли ветеранам достойная смена? Не получится ли так, как во время недавних массовых выборов в академию, когда стремление заполнить вакансии порой размывало требовательность к кандидатам? Похоже, что у руководства академии еще не отстоялся четкий план взаимодействия с главным «инструментом» любого научного исследования — кадрами, будь то молодые или заслуженные.

Газенко, например, на несколько лет придержал свое заявление об отставке, чтобы уверенно передать институт преемнику, выросшему здесь же из аспирантов. И лишь затем, не дожидаясь возрастного ценза, написал заявление с просьбой перевести его в советники дирекции института.

— Да, — пытался парировать, — космонавтика, которая становится нашей жизнью.

Может, и вправду он ошибается и, подобно Королеву, старается замкнуть все на себя? А может, просто не умеет доказать свою правоту? Вот тут и сработал сильнейший импульс внутреннего компьютера: а уж не мешаешь ли ты другим, тем, кто сейчас сумеет лучше отстаивать интересы института? Смена там за двадцать лет подросла хорошая. И пусть молодежь не видела становления института, она, наверное, сможет лучше рассмотреть его перспективы.

— Не стоит, уподобляться уставшему танцору, — твердо сказал себе Газенко, — который уже не успевает за темпом убегающих темпом музыкантов, но еще пытается танцевать.

Ах, сколько солидных институтов, сколько блестящих научных школ теряли свою репутацию во многом из-за того, что их по заслугам признанные лидеры «затащились» в этой роли до упаду. И дело не только том, что они с возрастом, увы, теряли былую силу. Убыстившей становилась их все более материющей тень, в которой увидят молодой подросток. Эстафету подхватить оказалось в итоге некому...

Стремлением избежать этого было продиктовано решение Академии наук ССР установить возрастной ценз для занятия академических должностных. Наверное, так и должно быть. Человек тогда человек, когда его душа болит не только о себе. А имя — что же? Теперь-то мы твердо знаем, что здесь только время рассудит.

А. ПОКРОВСКИЙ.

Что в имени тебе моем...

О научных должностях
и авторитете ученого

— Хорошо, — вежливо отвётил Газенко. — Но вместе со мной.

Отступились. Но тем настойчивее стали спрашивать:

— А не растекаешься ли ты по проблемам? Все-таки главное для института — космонавтика.

— Да, — пытался парировать, — космонавтика, которая становится нашей жизнью.

Может, и вправду он ошибается и, подобно Королеву, старается замкнуть все на себя? А может, просто не умеет доказать свою правоту? Вот тут и сработал сильнейший импульс внутреннего компьютера: а уж не мешаешь ли ты другим, тем, кто сейчас сумеет лучше отстаивать интересы института? Смена там за двадцать лет подросла хорошая. И пусть молодежь не видела становления института, она, наверное, сможет лучше рассмотреть его перспективы.

— Не стоит, уподобляться уставшему танцору, — твердо сказал себе Газенко, — который уже не успевает за темпом убегающих темпом музыкантов, но еще пытается танцевать.

Ах, сколько солидных институтов, сколько блестящих научных школ теряли свою репутацию во многом из-за того, что их по заслугам признанные лидеры «затащились» в этой роли до упаду. И дело не только том, что они с возрастом, увы, теряли былую силу. Убыстившей становилась их все более материющей тень, в которой увидят молодой подросток. Эстафету подхватить оказалось в итоге некому...

Стремлением избежать этого было продиктовано решение Академии наук ССР установить возрастной ценз для занятия академических должностных.